

18+

Ксения Цыганкова

Самый настоящий турист

Ксения Цыганкова

Самый настоящий турист

«Издательские решения»

Цыганкова К.

Самый настоящий турист / К. Цыганкова — «Издательские решения»,

За окном безумствует самое прекрасное время года — лето, а второклассник Ник вынужден коротать скучные серые дни в больничных стенах. Но вдруг с ним начинают происходить необъяснимые вещи. Удивительные летние приключения вихрем закружат его вместе с лучшими друзьями и лютыми недругами. Это лето точно запомнится на всю жизнь.

© Цыганкова К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Зомби, киборги и прочая нечисть	6
Глава 2	9
Грымза	9
Глава 3	11
Старшая сестра	11
Глава 4	14
Первый визит	14
Глава 5	17
Нежданчик	17
Глава 6	19
Самый обычный день	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Самый настоящий турист

Ксения Цыганкова

© Ксения Цыганкова, 2026

ISBN 978-5-0070-5877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В оформлении обложки использована иллюстрация, созданная с помощью сервиса «Шедеврум», с правом коммерческого использования.

Глава 1

Зомби, киборги и прочая нечисть

— Мама, а умирать больно?

— Не знаю, сынок, — после короткой заминки честно ответила мама, и, предвидя жуткую отгадку, все же задала повисший в воздухе вопрос, — Почему спрашиваешь?

Бледный, болезненно худой мальчуган с заостренным подбородком обреченно вздохнул, махнув рукой. Жест красноречиво говорил: «Не важно. Ты все равно не поймешь». Потеряв всякий интерес к разговору с мамой, он принялся разглядывать обшарпанную стену и высокий неровный потолок. Немного выше уровня глаз мальчик обнаружил неприметную надпись, ювелирно нацарапанную каким-то очень тонким и острым предметом: «Беги отсюда. Назад пути нет...» Ребенок еще раз вздохнул, мысленно «благодаря» безызвестного автора за его доброту.

Жалобно скрипнула деревянная дверь, впуская гомон и больничную суету в тесную душную палату. Смастерили эти казенные ворота, отделяющие кипучую коридорную жизнь больницы от оазиса сонной тишины палаты, еще в прошлом веке, о чем явственно свидетельствовали многочисленные потертости, щели и изъяны. Облупившаяся по всей поверхности белая краска сегодня носила бы гордое название «жемчужно-белая», или «цвета ванильного льда», или даже «ласковый шепот облака». Это уж кто во что горазд. Но выпустили ее в те дремучие годы непростого двадцатого века, когда черное было черным, круглое — круглым, хорошее — просто хорошим, и никак иначе. Остановимся и мы, не мудрствуя боле, на скромном названии цвета «белый». Так вот, дышащая на ладан белая деревянная дверь приоткрылась, и в проходе появилась миловидная кареглазая медсестра.

Нахмутив лохматые черные брови и прикусив нижнюю губу, девушка-медик долго перебирала внушительную гору историй болезни, еле помещающихся в ее небольших ладошках. Выудив наконец нужную бумажку, испещренную замысловатыми врачебными каракулями, она обвела взглядом заполненную под завязку семиместную палату:

— Прилатов Никифор на месте?

— На месте! Это мы, — встрепенулась мама и торопливо указала пальцем на сына, — То есть, он.

— Будьте наготове. Никифор, ты следующий, — лаконично произнесла медсестра и скрылась в коридоре, послав в пространство протяжную, заунывную балладу несмазанных дверных петель.

Вряд ли изначально палата собиралась быть семиместной. Максимум — для четверых. Но руководство больницы посчитало, что негоже квадратным метрам впустую пылиться, а пациенты перетерпят. Россиянину не привыкать к неудобствам, они лишь закаляют дух. Таким образом, с легкой руки какого-то пузатого чиновника, у которого в распоряжении собственный кожаный диван, кондиционер, резной деревянный стол и личный холодильник с мини-баром в кабинете, палата №12 лор-отделения детской городской больницы превратилась в уникальную обитель, день за днем вмещающую невмещаемое число гостей.

Конечно, палате было обидно, ведь за стенкой более удачливая ее соратница такого же размера — палата №11 — буквально не работала, а прохлаждалась, сверкая свеженьким евро-ремонтom и принимая не более четырех постояльцев за раз. А за другой стеной скрывалось тайное помещение без номера, не гнушающееся иногда украдкой впустить парочку человек, надменно поглядывающих на остальных пациентов. Хотя, может, это изолятор? Все-таки заносчивость, высокомерие и мания величия чрезвычайно заразны! Не приведи случай подхватить подобную гадость.

«Почему такая несправедливость?!» — спросите Вы. А я отвечу: секрет — в Ваших бумажниках. Хотите комфорта? Не вопрос. Только придется Вам расстаться с некоторым количеством купюр — набор удобств прямо пропорционален числу. Но кто же этот всемогущий волшебник, с которым следует поделиться богатством в обмен на уют и подобострастие — та еще головоломка. Один неправильный ход, и облом — не видать Вам палаты без номера как своей макушки. А взамен получите злобные взгляды завистников и их ехидные перешептывания: «Смотрите, экий барин нарисовался! 12-ая его не устраивает! Дворец и перину ему подавай!»

Наши герои звездной болезнью не страдали, довольствовались малым. Посему мама Никифора вскочила с места и стала нервно мерить шагами крохотное помещение, а именно, узкий проход между кроватями до стола в центре, и обратно. Перебирая длинными тонкими пальцами звенья серебряной цепочки на шее, она силилась скрыть беспокойство. Но дрожащие губы, безумный взгляд и срывающийся голос сводили старания на нет.

— Сыночек, не бойся! Это простая операция. Ты уснешь, а когда проснешься, уже все закончится, — мама присела на корточки перед сыном, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и сжала его личико меж ладоней, — Слышишь?! Я — твоя мама. Ты должен мне верить!!!

— Мама, ты меня пугаешь. И у тебя руки липкие. Фу! — мальчик высвободился из цепкого захвата и напряг мышцы левой руки, похлопывая правой по бицепсу, — Смотри, какая крутейшая мощь! Я не маленький. Мне почти девять. Мужики ничего не боятся! И ты не бойся. Ладно?

Невинные голубые глаза с сочувствием уставились на мать. Мальчик был спокоен, даже чересчур.

— Ладно, — сдалась мама, — Ты прав.

Она как-то вмиг обмякла и без сил опустилась на край неудобной железной кровати с продавленными пружинами, бережно хранящей память о сотнях, да что там, тысячах тысяч маленьких пациентов и их обезумевших от переживаний родных.

В конце концов, от нее больше ничего не зависело: врач выбран; решение об удалении взбесившихся мясистых наростов в носу по прозвищу «аденоиды», мешающих сыну свободно дышать, принято; анализы сданы и просторы Интернета, таящие в себе массу научного и откровенно дилетантского материала на любую заданную тему, тщательно проштудированы.

Мама вымученно улыбалась сыну, пока его не забрал невозмутимый долговязый врач в веселеньком медицинском колпаке, густо усеянном подмигивающими друг другу мультяшными гоночными машинками. Он пообещал «показать кое-что интересненькое», на что Никифор подозрительно сощурился, но все же засеменил вслед за доктором.

«Странный тип, — рассуждал мальчик, разглядывая ссутуленную спину в белом халате, — А вдруг он киборг, а никакой не врач? И хочет меня зомбировать... или нет... сожрать мои мозги... или вообще перережет глотку, стоит мне уснуть?!» Никифор затрясся мелкой дрожью, по продолжал переставлять в одно мгновение налившиеся тяжестью худенькие ножки. «А я не засну! — возникла спасительная идея, — Фиг ему с маслом!»

Когда доктор оказался в операционной, от прежней безучастности не осталось и следа, он азартно, даже немного зловеще улыбнулся:

— Сейчас я одену тебе на лицо эту штуку, ты ощутишь запах фиалок, а потом мы вместе сосчитаем до десяти. Хорошо?

Присутствие двух медсестер успокоило мальчика — они не позволят доктору совершить зло.

По команде Никифор начал дышать через специальную маску — уж больно захотелось ему насладиться фиалками. Каково же было его разочарование, когда вместо обещанного аромата цветов в нос ударил вонючий, противный газ! Он хотел было возмутиться, вырваться, убе-

жать прочь от обманщиков, но одна медсестра крепко прижимала устройство к лицу, а другая мертвой хваткой обхватила запястья и навалилась мощным корпусом на грудь, не давая пошевелиться. Совсем не вовремя вспомнились накорябанные на стене слова: «Назад пути нет...» Запоздалая мысль о целой медицинской группировке зомбо-киборгов мелькнула и взвилась далеко ввысь, увлекая за собой все другие гениальные домыслы и гипотезы, едва доктор монотонно досчитал до семи.

Глава 2

Грымза

Проводив удаляющуюся хрупкую фигурку сына, женщина беззвучно зарыдала. Не желая причинить неудобство соседям по палате, она выскочила в коридор и вжалась в грязно-молочного цвета стену. Практически слившись землисто-восковым оттенком кожи со стеной, она без стеснения дала волю чувствам: из глаз водопадом брызнули слезы, вымывая разъедающую кислотой мучительную душевную боль. Мама мальчика, Дарья Васильевна, никогда не отличалась выдержкой и хладнокровием, но сегодня стрелка прибора, измеряющего ее эмоциональность, эометра, явно зашкаливала. Только бы не взорвался!

Из палаты №12, в которой нашли временное пристанище наши герои, деликатно кашлянув, появилась скукающая тучная барышня неопределенных лет, крутившая до этого в руках выдавшую виды небольшую книжечку в мягкой аляпистой обложке. Эта мамочка отбывала срок в больнице не первый день. Ее ребенок уже перенес операцию, и она, как заправский медработник, оказывала психологическую помощь вновь прибывшим пациентам.

— Ну что вы так изводитеесь? — робко начала она, — Привезут скоро вашего малыша. Он на вас глянет, а у вас глаза красные. Так нельзя. Вас как зовут? Я — Катя, мама Федора... Ну, этого рыжего балбеса, который, как сайгак, без передышки по палате скачет.

— Спасибо! Даша, — с искренней благодарностью ответила Дарья Васильевна.

Такой маленький, ни к чему не обязывающий жест, как незатейливая утешительная фраза, брошенная между делом, а Дарье Васильевне вмиг полегчало — она не одинока. Зачастую человеку, находящемуся в тяжелой жизненной ситуации, казалось бы безвыходной, не так уж много и надо — немного участия и самую капельку поддержки. И вот, для общества он уже не слюнтяй, наматывающий сопли на кулак, а несгибаемый храбрец, нашедший выход из незавидного положения и сумевший встать с колен.

— Женщины, чего слоняемся по коридорам?! Идите себе по палатам, — грозная старушка, потрясая потертым железным ведром и ветхой деревянной шваброй, сердито подбодрила, — Устроили балаган! Ишь какие!

— Ой, да перестаньте вы! У нее ребенок на операции! — вознегодовала женщина, представившаяся Катей.

— Знамо мы ваши истории, — ничуть не смутилась всезнающая санитарка, еще пуще распаляясь, — Каждый день у нас тута кромсают, штопают, и ничего. А тут гляди, истерику катает! Чай, не девочка уже... Ходют, ходют, пылюку туда-сюда гоняют. Окаянные!

— Бессердечная грымза, — еле слышно прошипела Катя, не рискуя при этом вступать в открытую конфронтацию с неумолимой блюстительницей порядка.

Абсурдность продолжения диалога и остатки здравого смысла загнали мамочек обратно в палату, откуда старая мегера их точно не сможет выкурить, как бы той ни хотелось. Старушечка еще долго гремела ведром за дверью, ворчала и кряхтела, пока не дошла до палаты без номера. Ее почему-то она принялась убирать в абсолютном безмолвии и с особой тщательностью. Видать, и впрямь, редкая неизлечимая зараза там гнездится.

Неприятная стычка, оставившая гадкое послевкусие, принесла и пользу — протрезвила голову Дарьи Васильевны от панического хмеля. Действительно, подобные хирургические вмешательства здесь поставлены на поток, да и возраст ее вполне солидный. Не пристало благородной даме вести себя подобным образом. Во всяком случае, именно так сказала бы она своей старшей дочери, Есении. Если бы та была рядом, то не преминула бы указать матери на когнитивный диссонанс между ее словами и поступками.

Прагматичная реалистка с острым язычком, не чета маме, она разобрала бы родительницу по косточкам. К счастью Дарьи Васильевны, Сеня, как мама привыкла нежно называть дочь, находилась в данный момент на парах в университете, в активном процессе усвоения программы третьего курса экономического факультета.

Когда-то давным-давно Есения была уверена, что станет журналисткой. Однако сухой расчет победил сладостную мечту. «Добиться высот в журналистике — один шанс на тысячу, а грамотные экономисты всегда нужны, — день за днем убеждал папа дочь, но в конце неизменно вносил ремарку, — Но ты уже взрослая. Решать тебе, и только тебе.» Надо ли говорить, что отцовский авторитет уверенно одержал верх над неоформленными до конца фантазиями о славе молоденькой, но мыслящей здраво и ясно с самого детства девушки.

Второй ребенок (по счету, но не по значимости), Никифор, подарил Дарье Васильевне вторую молодость. Время теряет свою власть, когда в доме, помимо подросшего нахального первенца, появляется розовощекий пухлый младенец. Подгузники, пустышки, распашонки и ползунки — обязательный малышовой реквизит — заполняют собой видимое пространство жилища, а детское бурное ликование, жизнерадостность, горечь обид и досада первых поражений — весь оставшийся, невидимый участок корпорации, называющейся «семья».

Дарья Васильевна отчаянно не желала не то что стареть, а даже взрослеть. В душе она до сих пор оставалась впечатлительной молоденькой девчонкой, на которую взвалили непосильную ношу ответственности — быть взрослой. Другое дело — ее верный спутник по жизни, муж. Антон Артемович, как глава семейства Прилатовых, в одиночку тащил за плечами тяжелый рюкзак, доверху набитый житейскими проблемами и обязанностями. Впрочем, ему доставляло немалое удовольствие ощущать собственную значимость и незаменимость. В общем, такие разные Прилатовы весьма гармонично сосуществовали, занимая каждый свою нишу.

Глава 3

Старшая сестра

Очнувшись в палате от наркоза, Никифор сходу заявил:

— Хочу мороженого. Ты обещала. Крем-блюрэ.

— Брюле! — радостно поправила мама, просяив как начищенный самовар.

Тревожные морщинки на лбу моментально разгладились, уступив место очаровательной легкой паутинке в уголках глаз. Опасения казались теперь пустыми и далекими.

А Никифор тем временем незаметно шарил руками по телу: не пропала ли какая его часть, не появился ли вдруг шрам там, где не должен быть, не выпирает ли где вшитый под кожу зомбо-чип. «Вроде, все на месте. Чики-пуки», — облегченно выдохнул мальчик.

Он бросил тоскливый взгляд в окно, за которым бушевало красками лето и, не жалея сил, резвились с утра до ночи дети. Это ж надо долгожданный июнь тратить на такие глупости, как больница! Эх, родители, родители! Редкостные тугодумы! Лето создано, чтобы отдыхать, а не томиться взаперти. Но разве скажешь такое в лицо? Заклеймят позором, выключат мозг и застрашают наказанием за неуважение к старшим. Хотя где здесь неуважение? Просто личное, очень объективное мнение нового, более умного и совершенного по всем параметрам поколения.

Самоуверенные рассуждения Никифора прервало внезапно появившееся ощущение легкого, но настойчивого и возрастающего в геометрической прогрессии давления, как будто кто-то сверлил его изнутри. Мальчик заерзал на месте и поспешно огляделся. Оказалось, это Федор, десятилетка с кровати напротив, впился в него едким взглядом. Стоило Никифору обратить на него внимание, как колючий изучающий прищур сменился добродушной улыбкой.

— Эй, Никки! Как житуха? Очухался? — сверкнул брекетами Федор, заглаживая назад непослушные рыжие кудри.

До вчерашнего дня ребята в дружном тандеме носились по коридорам до первого нагоняя; по очереди стояли на стреме, пока один из них общипывал пышный фикус на подоконнике; украдкой нажимали кнопку вызова лифта на лестнице и убегали; гоготали, улепetyвая от разъяренной уборщицы. Короче, резвились пацаны, насколько это было возможно в больничных стенах. Но вчера Федора забрал на операцию тот же странный доктор, и после все изменилось. Федя совсем потух, стал вялым, на заманчивое предложение Никифора поиграть после ужина в догонялки ответил отказом.

— Вроде, — шмыгнул носом Никифор и, пользуясь отсутствием своей мамы и мамы Федора, спросил, — Пошли погуляем?

— Ну пошли, — неохотно согласился Федор, — только до столовки и обратно, а то от мамы влетит.

Вылазка получилась скучной, проказничать не хотелось обоим.

— А чего это ты с головы до ног ошупывал себя? — невзначай поинтересовался Федор, навострив уши.

— Да так... — неопределенно махнул рукой Никифор, — кое-что искал.

Федор пристально глянул на приятеля, но приставать с расспросами не решился. Так они степенно дошли до столовой, что в конце коридора, и повернули обратно. Санитарка, бодро машущая шваброй вблизи раздаточного столика, зло зыркнула на них, но промолчала. Лишь нижняя губа ее оттопырилась, готовая в любую минуту привычно начать посылать проклятья вслед бесстыжей мелюзге. Видать, в понурых, громко шаркающих по полу домашними тапками мальчуганах она не распознала вчерашних отъявленных хулиганов.

Три дня до выписки мама провела в заботах — соседи по палате, Катя с сыном, уже отправились домой, негласно оставив преемницей своего нелегкого труда, психологической помощи новичкам, Дарью Васильевну. «Все будет хорошо», «Ординаторская прямо по коридору и направо, а туалет за углом, рядом с лифтом», «Здесь потрясающие врачи», — неустанно твердила она в перерывах между выполнением любых прихотей Никифора. Никифор в свою очередь мысленно добавлял: «Потрясающе жуткие врачи, с приветом. Проходите, ложитесь и ждите, пока они отрежут и сожрут по кусочку от ваших мозгов». Чувство потерянности, как будто он чего-то лишился, у мальчика не проходило, а, напротив, крепло с каждым часом.

Конечно, виноватой он считал мать, которая притащила его сюда, поэтому планка пожеланий Никифора поднималась все выше и выше. Если мама начинала колебаться, сын без зазрения совести развязывал откровенный шантаж. Он изображал на лице неумное страдание, ахал и охал, то и дело хватаясь за нос, талантливо лицедействовал, изображая голодную, больную и сильно побитую собаку.

— Ник! Маман! Привет всем, — вихрем ворвалась в палату Есения, подскочила к брату и бесцеремонно взъерошила волосы на его голове, — Ну что, мелкий, сегодня выпишут?

Своим внезапным появлением она прервала очередной акт пьесы Никифора «Говорящий и стреляющий лазером робот-трансформер мне жизненно необходим». Мама была уже почти готова уступить, как сестра разорвала зыбкую сеть хитроумных увещаний. Вечно она не вовремя!

— Выпишут, не выпишут. Не знаю я, — насупился Никифор, плохо скрывая раздражение.

Старшая сестра — та еще головная боль. Если родителями можно вертеть как угодно, то сестрой — никогда. Кажется, она знает все его секретные мысли и ухищрения. Разница в дюжину с хвостиком лет стала для Есении прекрасным поводом насладиться властью. Она плотно участвовала в образовании и воспитании брата.

Выполнение Никифором каждого неосторожно брошенного родителями задания Есения брала под свой чуткий контроль. Надо убраться в комнате — Сеня коршуном кружила над братом, пока он неумоимо боролся с ленью; надо отработать технику чтения или письма — она не жалела времени, раздавая братишке тумаки за плохую работу; надо проучить брата за вранье — и тут Сенька старательно драла глотку, рисуя Никифору его безрадостное будущее на помойке или в тюрьме, если не перестанет вести себя подобным образом. Слезы, безотказно действующие на маму, Есении были до фени. Короче, фурия во плоти, а не сестра.

— Ник, ты чего такой грустный? Ну-ка улыбнись! — Сенька скорчила брату смешную рожицу, скосив глаза, высунув язык и растянув рот указательными пальцами.

Она была по самому больному — с пеленок Никифор не мог устоять перед забавными кривляньями сестры. Что бы его ни расстроило, он тут же принимался неистово хохотать, лишь только сестра сводила зрачки глаз к переносице и складывала губы бантиком, изображая рыбку.

— У-у-у, — набычился Никифор, отворачиваясь от сестры, — отстань.

Но от Есении Прилатовой так просто не отделаться. Девушка продолжала энергично паясничать, пока братишка не сдался под ее бешеным натиском и не захихикал. Правда, смех этот был сквозь слезы — досадно, что опять не устоял.

— Сеня, прекращай! — поморщилась мама, — Чего ты его драконишь? Он едва в себя пришел.

— Ой, мам! Ты из него неженку сделаешь! Так кудахчешь над ним, будто наседка над яйцом, — неохотно подчинилась Есения, слегка всплыв, — Между прочим, мне тоже аденоиды вырезали, только заодно еще и железы оттяпали. Я все прекрасно знаю: что, где и как у него болит и не болит. Или ты забыла?!

Есения, будучи ребенком, немало времени провела в больницах, поэтому недугами ее не разжалобить. Однако зря упрекала она мать за короткую память. Напротив, Дарья Васильевна все хорошо помнила. Тогда, десяток лет назад, она проще относилась ко всему, а сейчас груз полученных знаний, щедро дополненный памятью красочными пугающими подробностями, никак не позволял расслабиться, бодро расправить плечи и беспечно вдохнуть полной грудью.

Почему, думаете, Ваши бабушки такие волнительные? Они переживают за все на свете: внучок или внученька ножки промочил, вспотел, замерз, коленочку расшиб, побледнел, пукнул... Нет, ребята, это не смешно. Просто-напросто много горя повидали они за свою жизнь: коварные болезни, внезапные смерти близких и знакомых, необратимые последствия глупых решений или безразличия. Они хотят защитить потомков от ошибок, опираясь на свой богатый опыт. Жаль, что молодые зачастую пренебрежительно относятся к советам людей преклонного возраста, считая их выжившими из ума паникерами. Печально, но факт — каждый взрослый хотя бы раз если не произносил, то скорбно думал про себя: «Говорил/а мне бабушка/дедушка/мама/папа (*выберите из списка или подставьте свой вариант*) то-то и то-то. Почему я не слушал/а?»

Глава 4

Первый визит

Вожделенного робота Никифор так и не возымел. Зато по возвращении домой получил обещание стать счастливым обладателем сего агрегата, если закончит первую четверть третьего класса на одни пятерки.

— На... одни... пятер-р-р-рки, — от души передразнил он маму самым противным тоненьким голоском, какой только был в его богатом арсенале, перекосив рот, закатив глаза и содрогаясь всем телом и в особенности головой, как в эпилептическом припадке.

Во-первых, даже до начала первой четверти аж два с половиной месяца! А до окончания и подумать страшно! Недостижимая даль. Зияющая пропасть. Во-вторых, ну какой из него отличник?! Математику он не то, чтобы любит, но дается она ему совсем просто, без усилий и напряжения. А вот русский язык с чтением на пару — это катастрофа из катастроф! За первый класс Никифор с содроганием усвоил, что почти все слова в русском языке пишутся совсем не так, как слышатся. «Изверги! Злодеи! Садюги! Те, кто придумал правила правописания. Зачем все усложнять?» — сокрушался Никифор.

Разыграл он эту яркую сценку в своей собственной комнате, подальше от посторонних глаз, но вездесущая сестра опять была на шаг впереди.

— Ма-а-ам! А Ник тебя кривляет! Я слышала! — закричала Сеня из своей, соседствующей с его, комнаты, чтобы мама на кухне обязательно услышала и, не дождавшись через пару секунд ответа, повторила громче, — МА-МА! Я говорю, что Ник тебя кривляет!

— Сеня прекрати орать на весь дом. Я не глухая... Пока еще... Как и, дай им Бог терпения и здоровьичка, наши соседи, — мама появилась на пороге комнаты, устало стирая передником муку со лба.

— Так, дети, внимание! — по-быстренькому хотел вклиниться в разбор полетов папа, увлеченно следящий за ходом футбольного матча в зале, — Есения, ябедничать — нехорошо. Пора бы это знать в двадцать лет! А ты, Никифор, играешь с огнем. Я тебя предупреждаю!

Папа повернулся, чтобы погрозить сыну пальцем и открыл было рот в продолжение гневной тирады, как в телевизоре заревели трибуны и оглушительно завопил комментатор: «ГОЛ!!! Какой ударrrr!» Папа на секунду замер, не веря в такое свинство судьбы. Домашние отчетливо зафиксировали небольшое провисание нижней челюсти и нервное подергивание правого века на вмиг посеревшем каменном лице.

— Ой, у меня же запеканка в духовке! — поспешно ретировалась на кухню мама, хватая по пути сына за руку и заслоня дочь спиной, — Пойдем, сынок. Поможешь мне.

Сеня в свою очередь с грацией и проворством рептилии скользнула в свою комнату, сладко пропев:

— Папулечка, мне срочно реферат на завтра дописать надо!

В итоге, пока папа подбирал челюсть и приходил в сознание, в комнате не осталось ни одной живой души, кроме кота Черныша, на которой можно было бы выместить обиду. Смотреть безотрывно полтора часа матч со счетом 0:0, отвлечься на несколько секунд ради благого дела и получить такой смачный пинок под зад! Да, просмотр повтора никто не отменял, но это совсем не то. Это все равно, что слушать музыку с берушами в ушах, или смотреть кино с закрытыми глазами, или гладить милого котенка в боксерских перчатках. Папа беспомощно огляделся по сторонам.

— Эй, ты! Наглая усатая морда! Кто мою котлету утром спер? А?! — разрядился папа на Черныша, потрясая кулаком, — Ух! Я тебе дам!

Черныш, большой длинношерстный котяра, черный, как смоль, лениво развалившийся на подоконнике, в ответ недовольно приоткрыл один глаз, махнул пару раз хвостом в знак неодобрения и с выражением на морде полнейшего презрения ко всему человечеству и к Антону Артемовичу в частности закрыл глаз обратно.

Папа еще недолго кисло таращился в телевизор, а потом плюнул, да и выключил.

— Тук-тук-тук. Дашуня! Что у нас на ужин? Пахнет обалденно, — заискивающе улыбнулся папа, приоткрыв дверь на кухню.

— Успокоился? — осуждающе покачала головой мама.

— А я че? Я же ничего не сказал, — папа невинно пожал плечами.

— Тебе и не надо говорить. За столько лет, сколько мы живем вместе, можно уже мысленно общаться, — беззлобно проворчала мама.

— Даша, Даша! — патетично изрек папа, отправляя в рот горсть арахиса в шоколаде из вазочки на столе, — Зачем ты так жестока ко мне?

— Антон, Антон! — подхватила высокопарный тон мама, а закончила скороговоркой, — Давай-ка кончай выкаблучиваться и не порть аппетит, скоро ужин!

Никифор, которого мама под шумок отправила мыть посуду, нарочито громко гремел кастрюлями и безмолвно вопрошал: «Вон, сами каждый день сценки разыгрывают, дурачатся, а потом удивляются: откуда у сына актерские замашки? ... Безобразие чистой воды. Да если бы только удивлялись, так нет, ругаются еще!»

Зазвонил мамин мобильник. Мама глянула на экран и, увидев незнакомый номер, специально долго полоскала руки под тонкой струйкой воды, тщательно, палец за пальцем вытирала руки о вафельное кухонное полотенце. Уж больно не желала она общаться с приставучими продавцами разных услуг, которые систематически доканивают каждого абонента любой известной мобильной сети, и совершенно не воделела объяснять какому-то криворукому недотепе, что он неправильно набрал номер. А кто еще позвонит в такое позднее время? Важные и нужные звонки совершаются в основном до шести вечера.

Но телефон не умолкал. Видимо, настырный звонарь попался. Мама меланхолично бросила последний взгляд на хоровод цифр беспардонного номера и наконец прикоснулась указательным пальцем к иконке на дисплее смартфона:

— Алло.

Очевидно, звонящему все-таки удалось завладеть вниманием Дарьи Васильевны, потому как сначала она ответила «да» на какой-то вопрос, затем брови ее поползли вверх в приятном удивлении, потом еще несколько раз — «да», «хорошо», долгое пауза и «спасибо большое, мы подумаем».

Никифор, который свирепо терзал последнюю грязную тарелку, вдруг покачнулся, ощутив резко нарастающий гул в ушах. Тотчас возник необъяснимый животный страх, а за окном в сумерках мальчик как на ладони разглядел силуэт буро-малинового цвета, похожий очертаниями и размером на человека в одежде свободного кроя. Расплывчатая фигура застыла в воздухе, стремительно подплыла к окну, заставив Никифора выронить тарелку, и так же внезапно исчезла. Шум в ушах сразу пропал.

Больше всего мальчика поразило лицо существа, вернее, его отсутствие. В верхней части туловища субъекта, там, где у человека находится голова, на грязно-красном фоне шаровидной плоскости выделялись три небольших отверстия чересчур правильной овальной формы, расположенные четко посередине так называемого лица в один ряд. Они манили, притягивали и неволили неизведанной глубиной. Невозможно было отвернуться, невыносимо больно становилось от одной мысли об этом. У них не было цвета. Хотя нет, это был цвет пустоты. Не черный, не серый, не белый и не такой, какой Вы там себе нафантазировали. Жуткая смесь красок вселяющей ужас бездны и соблазняющей тайной загадочной неизвестности.

— Никифор! Куда ты смотришь?! Опять тарелку расхокал! Какая за неделю? Третья? Четвертая? — раздосадованно воскликнул папа, выводя сына из оцепенения, — Не руки у тебя, а дырки от бублика!

— Мальчики, цыц! — возбужденно всплеснула руками мама, — Не поверите, кто мне звонил! У меня потрясающая новость...

Глава 5

Нежданчик

Известие, впечатлившее Дарью Васильевну, было не самым рядовым. Некий благотворительный фонд (название якобы произнесли нечетко), финансируемый анонимными спонсорами, в этом году предоставляет право детям, пролечившимся в стационаре лор-отделения, получить путевку в детский туристический лагерь на совершенно безвозмездной основе. Заезд — через неделю. Длительность смены — 21 день. Расположение лагеря — Кавказские Минеральные Воды. Отказ равносителен оскорблению.

— Беспрецедентно! — растерялся папа, поглаживая щетину на подбородке.

— Артем, я сказала, что мы подумаем. Так неожиданно, — задумчиво согласилась мама.

— Не, ну если поразмыслить, от отдыха в туристическом лагере ребенку одни сплошные плюсы: чистый воздух, общение с ровесниками, дисциплина... Никифор, а ты что думаешь? Что-то не вижу радости, — обратился папа к сыну.

Прилатовы всегда старались общаться с детьми на равных. Мнение ребенка играло в принятии решений не последнюю роль.

Ник медленно попивал из кружки теплое молоко и лихорадочно прокручивал в уме детали увиденного, поэтому не сразу откликнулся. Что это за сущность? И была ли она вообще? Может, это ему почудилось? При ярком кухонном освещении больше верилось в последнее. Вот папа сидит на стуле и скребет пальцем бороду. Вот мама берет прихватку и заглядывает в духовку, откуда струится дивный ванильный аромат творожной запеканки. Вот Черныш наострил уши, принюхиваясь к источнику запаха. Все это точно реально. А что же видел он? Никифор с опаской кинул взор в сторону окна. Сгустились сумерки. Ничего необычного.

— Никифор Антонович! — повторил папа на порядок громче, растягивая слоги, — Ты здесь?

— А? Да-да-да, — очнулся Ник, — Поездка — это хорошо. Я за. Решайте сами... Можно я спать пойду?

— Спать? — удивилась мама, — Девяти еще нет. Ты случаем не заболел?

— Нет, мам, устал просто.

Никифор залпом опрокинул оставшееся молоко, поцеловал маму в щеку, по-мужски пожал руку папе и смылся.

«Может, у Сеньки спросить про потусторонние дела? Она старше, опытнее, — ломал голову мальчик, — Хотя нет. Плохая идея. Очень-очень плохая. Она сразу родителям настушит, засмеет и будет при каждом удобном случае подкалывать. Как быть?» Так ничего и не придумав, Никифор лег в кровать и не заметил, как сон сморил его.

После полуночи настойчивый монотонный звук выдернул его из забытья. Мальчик нехотя пошевелился, не спеша обрывать последние тонкие ниточки, связывающие его со сновидением. Упорное противное зудение, отдаленно похожее на писк комара, не прекращалось. Окончательно проснувшись, Ник понял, что лежит на краю кровати. Пошарив рукой, он нащупал что-то мягкое и теплое. «А! Опять Черныш развалился!» — раздраженно подумал Ник, спихивая обнаглевшего питомца на пол. Обычно покладистый кот вдруг устрашающе зашипел. Такого шипения, переходящего в хрип, Никифор не слышал от него никогда. Он в мгновение ока подпрыгнул на кровати, приземлившись на коленки.

Тоскливо защелкали пружины внутри матраца. Яркая вспышка ослепила мальчика. Когда глаза привыкли к ядовитому свечению, он увидел следующую картину. Посреди ком-

наты, прямо в воздухе, висели, будто приклеенные, огромные витиевато закрученные символы, соединяясь в зловещее послание:

*«Мы все ближе
День за днем.
Бежать — негоже.
Везде найдем!»*

В аккурат после прочтения Никифором слова растаяли без остатка. Не рассеялись, как дым, не лопнули, как мыльный пузырь, а тихо исчезли в никуда. Обычная реакция Ника на опасность — ступор. Ночное происшествие исключением не стало. Мальчик застыл, беззвучно открывая и закрывая рот, словно вынутая из воды мелкая рыбешка. Даже если бы он захотел, закричать не смог бы. Такая уж особенность организма — автоматическое отключение при перегревании устройства во избежание поломки. Впрочем, если рассудить, в стрессовых ситуациях уход в себя лучше, чем бесполезная суета и гибели подобная в таких случаях паника.

Кот затравленно прижал уши, с ужасом наблюдая за происходящим из дальнего угла. Шерсть даже на хвосте встала дыбом. Утробный стон кота вернул Нику способность двигаться и мыслить.

— Тихо, Черныш, тихо. Родителей разбудишь, а им на работу рано утром вставать, — то ли себя, то ли кота, успокаивал мальчик.

Он включил ночник, которым не пользовался уже года два, сгреб напуганного кота в охапку, схватил свой карманный фонарик и спрятался с головой под покрывало. Сомнительные, конечно, способы защиты, но под покровом ночи они казались ему вполне эффективными. Все знают, что свет фонаря отлично борется с созданиями тьмы.

«Во что же я врюхался? Где искать помощи? Родителям никак нельзя говорить. Вдруг эта дрянь к ним прилипнет? Может, все же с Сенькой перетереть? Лучше она, чем мама с папой. Ее не так жалко, — кружился в вихре мыслей Никифор, предусмотрительно держа большой палец на кнопке включения фонарика, — Дожить бы до утра...»

Глава 6

Самый обычный день

— Эй, соня, давай вставай! — Сеня беспощадно пихнула брата в бок, — Вот это ты дрыхнешь! Крыша поднимается!

Ник, уверенный прежде, что не заснет в эту ночь, удивленно потер глаза, широко зевая:

— А где мама?

— Все давно на работе. А мне на экзамен через сорок минут. Так что вставай, — повысила тон Сеня.

— А я при чем? Ну и иди на свой экзамен, — сладко потянулся Никифор, с упоением ожидая ответной реакции сестры.

— Слышишь, мелкий! — не заставила себя ждать Есения, — Шагом марш зубы чистить и умываться! А то уши надеру! Я обещала маме накормить тебя завтраком.

— Ладно, — Ник без особого энтузиазма спустил ноги на пол, оставаясь туловищем на постели. Выполнять распоряжения он не торопился. Главное — чтобы сестрица исчезла.

— Ах ты козлина мерзопакостная! — влетела к брату Сенька через пять минут, поднимая на ходу тапок и замахиваясь им, — Ну погоди у меня! Я научу тебя старших слушаться!

Дальше гневить судьбу Никифор не решился. Он вскочил с кровати и, убегая в направлении ванной, смело прокричал через плечо:

— Я все маме расскажу! Что ты обзываешься! Дура.

Последнее слово он произнес еле слышно, под нос, поэтому оно утонуло в шуме захлопывающейся двери и глухого удара тапка о стену.

Как все-таки любит он сестру! А особенно доводить ее до белого колена, балансируя на пределе ее терпения, и наблюдать, что из этого получится. Таким образом он получает не меньшее удовольствие, чем от нахождения дома в гордом одиночестве или от того, что без разрешения рубится в компьютерные игры.

Забавно, но папа до сих пор уверен, что Никифор не знает пароль от входа на его ноутбук! Наивные взрослые! Он больше года назад подсмотрел папин «сложный» шифр: символы «антприл» в нижнем регистре на латинской раскладке, потом без пробела не менее затейливый ряд цифр: 123. Самое трудное и оттого увлекательное — не запалиться. Забудешь очистить историю в поисковике — и хана. Ни видео тебе, ни социальных сетей, ни онлайн-игрушек. Конец света! Свой телефон он давно разбил, почти сразу после покупки. Внушительная паутина из трещин расплзлась по всему сенсорному экрану, не оставив надежды на беспрепятственный серфинг по сайтам. Функция приема вызовов и набора номеров, как на зло, работала безупречно, следовательно, упование на обновку было гарантированно напрасным. Останется только у Сеньки выпрашивать смартфон для выхода в Интернет. А у нее снега зимой не допросишься. Придется или похищать, что само по себе плохо и чревато последствиями, или стать рабом сестры, что тоже неприемлемо.

«Провожу Сеньку и засяду за комп, — Никифор строил планы на грядущий день, машинально елозя во рту взад-вперед зубной щеткой, — Авось, в сети накопаю чего на этих тварей». При свете солнца ночные страхи казались не такими уж и кошмарными, и стилок до смешного глупым. «Бежать — негоже. Везде найдем, — Ник скривился своему отражению в зеркале, — Ну, найдете, и чего? Хотели бы убить — не предупреждали бы».

Само собой, в Интернете Ник ничего похожего не нашел. Во-первых, он элементарно не смог сформулировать запрос ввиду недостатка информации; во-вторых, один из его любимых блогеров, залил новый улетный видос. Так и назывался: «Улетный видос». Как тут мимо

пройти? А потом пошло-поехало: ссылка за ссылкой, ролик за роликом, и три часа псу под хвост.

А еще до папиного прихода надо создать видимость покорного прилежания в решении домашнего задания. Не, ну представляете? Летнее домашнее задание! Надо было вычудить! Другие дети — как дети, а его классу «повезло» с учительницей. Она не плохая, даже, наверное, хорошая, потому что добрая, справедливая, понимающая. Но это ее желание вылепить из них гениев! Уму непостижимо. Еще и читать целый список задала, что уж совсем ни в какие ворота не лезет! Причем аккуратно распечатала ненавистный список на принтере и раздала на родительском собрании каждому родителю лично в руки. Не отвертись.

Итак, Никифор решительно разорвал Интернет-соединение, основательно подчистил следы своего присутствия за папиным столом и отправился перекусить. Ведь заниматься на голодный желудок — дело совершенно бесперспективное и несправедливое.

Мальчик пристально изучил содержимое холодильника, и оно ему не понравилось. Гороховый суп с копченостями, макароны по-флотски, жареная курица, вчерашняя творожная запеканка, овощной салат, — есть абсолютно нечего! Ник досадливо поморщился, хлопнул дверцей холодильника, бесцельно побродил по квартире и вернулся обратно. При повторном, более внимательном осмотре были обнаружены куриные яйца и свежие помидоры. «Ну, омлет с помидоркой, значит, омлет», — сглатывая слюну, решил мальчик. Готовить яичницу с поджаренными помидорами он научился еще в самом начале своего кулинарного пути. Что может быть вкуснее и быстрее этого блюда? Пожалуй, только мороженое.

Было бы странно, если бы мама, повар-кулинар по профессии, не передала часть навыков ребенку, тем более, что ребенок жаждал этого неимоверно. Сенька, та сторонилась кухни изо всех сил. Она предпочитала проводить время за чтением детективов и боевиков, либо уматывала с друзьями в неизвестном направлении. Никифора, наоборот, заставить за книгой — чуду подобно, зато если родителям требуется любая физическая помощь, он тут как тут.

Поэтому в шесть лет он научился не хуже среднестатистической домохозяйки быстро чистить и красиво нарезать картошку, лук, морковь, а к восьми с половиной годам кроме простой глазуньи и жареной картошки освоил приготовление ажурных блинов, пышных оладий, масляного и заварного кремов для торта и даже мяса по-французски. Страсть к готовке со временем не утихла. Он, на зависть сверстникам, почти определился с выбором будущей профессии, хотя мама и не была от этого в восторге. «Лучшие повара — мужчины!» — частенько с апломбом произносил мальчик подслушанную где-то фразу. «Сынок, это очень тяжелый труд. Не понаслышке знаю. Давай-ка не будем заикливаться. Кстати, из тебя хороший математик выйдет. Задачи, как орешки щелкаешь!» — ненавязчиво спорила мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.